

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

ВИКИПЕДИЯ

Уже у жизни на краю,
За рубежом столетий,
Я Википедию свою
Читаю в Интернете.
Там мой блокадный Ленинград,
И города, и веси.
Там список званий и наград,
И книг моих, и песен.
Там нами снятое кино,
Что не было в прокате,
И погружение на дно
В подводном аппарате.
Там двести шестьдесят статей,
Написанные мною,
И критика моих затей,
И многое иное.
И все мне кажется, друзья,
Хочу признаться честно,
Что это вовсе и не я,
А кто-то неизвестный.
Что над балтийскою водой,
В Балтийске, на причале,
Сейчас стою я, молодой,
И все еще в начале.

ГЛУХОТА

За окном подобьем белых мух
Снег кружится, падая на крыши.
Становлюсь с годами тугоух, —
Ничего почти уже не слышу.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии им. Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.

Мир вокруг замолк передо мной,
Как приемник, выключенный кем-то.
Наши отношения с женой
Стали лучше с этого момента.
Замолчало шумное окно,
Никуда от тишины не деться,
Телевизор стал немым кино,
Довоенное напомнив детство.
Грозные замолкли небеса,
И когда в округе стало тише,
Сделались слышны мне голоса,
Что позавчера еще не слышал.
Я с утра их слышу и в обед,
Уши им всегда мои открыты —
Голоса друзей, которых нет,
И подружек, мною позабытых.
Там мои ушедшие года,
И друзья совсем еще не стары.
Юра Визбор шутит, как всегда,
И Булат берет за гитару.
В мире обеззвученном моем
С каждым днем те голоса все ближе,
И, проснувшись, думаю о том,
Что, возможно, скоро их увижу.

* * *

В мои полузабытые года,
Когда манила вдаль меня дорога,
Мне не хватало времени всегда,
Хотя его на деле было много.
Куда-то торопившийся опять,
Обремененный многими трудами,
Боялся я все время опоздать,
Что продолжалось долгими годами,
На самолет, на поезд, на суда,
Но убежала в океан вода,
И теплый день сменился холодами.
Теперь другая жизнь у старика,
Поскольку никуда спешить не надо.
Плывут неторопливо облака
Неспешную порою листопада.
И от других в отличие времен,
Что никогда, по сути, не бывало,
Мне кажется, что времени вагон,
Хотя его на самом деле мало.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Никите Благово

В военные годы лихие,
Где Питер обстреливал враг,
И встали часы городские,
И все погрузилось во мрак,
Порою блокадной проклятой,
Где жизни легли на весы,
На угол Большого с Девятой
Поставлены были часы,
Из дерева и из фанеры.
В блокадные черные дни
Оплотом надежды и веры
Для жителей стали они.
Там в годы безрадостных буден
Отсчитывал время народ,
Чтоб знали и верили люди,
Что солнце победы взойдет.
И в день годовщины блокады,
Что грустных не требует слов,
Осенней порой листопада
Мы вспомним у этих часов
Всеобщее давнее горе
В суровые эти года...
А Питер не солнечный город,
И солнце там есть не всегда.

ДЕНЬ СМЕРТИ ПУШКИНА В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Галине Михайловне Седовой

«Смерть Пушкина, наш скорбный день, —
Подумал я, на снимок глядя, —
Как отмечался он в беде,
В блокадном зимнем Ленинграде?»
Об этом в нынешней стране,
Любовью к Пушкину ведома,
Вчера рассказывала мне
Хранитель пушкинского дома.
В том горестном сорок втором,
Где замерзали кровь и слезы,
В его пустой холодный дом
Пять человек пришли в морозы.
Музей закрыт был в этот год,
И у дверей его квартиры
Они под аркою ворот
Стояли, сумрачны и сиры.

Был двор заснеженным, пустой,
И в тишине печальной той,
Где не давал дышать мороз,
Негромко кто-то произнес,
Что прозвучало, как впервые:
«Красуйся, град Петров, и стой,
Неколебимо, как Россия!»
У Мойки, мерзнущей реки,
Недолго длилась их беседа,
И были очень далеки
Прорыв блокады и победа.

* * *

Над заснеженной зимней Невою,
В поминальный торжественный час,
Моряки из полярных конвоев,
Я опять вспоминаю про вас.
Вы везли самолеты и танки,
Позабыв про усталость и страх.
Кораблей ваших тлеют останки
В заполярных холодных морях.
Не вчера ли, с погодюю споря,
К побережиям Новой Земли,
С вами вместе ходили мы в море,
Где на грунте лежат корабли?
Тех из вас, что живыми остались
От торпед и воздушных атак,
Добивает проклятая старость,
Беспощадный сегодняшний враг.
Вас до смерти, покуда живой я,
Буду помнить, годам вопреки,
Моряки из полярных конвоев,
Дорогие мои старики!

ЗАВЕЩАНИЕ

Нас связала общая беда,
О которой забывать не надо.
Мы живем последние года,
Дети, пережившие блокаду.
Одного желаем мы всегда,
У гранита Пискаревки стоя:
Чтобы нашим внукам никогда
Не пришлось переживать такое.
И пока в Неве бежит вода
И не стерся пискаревский камень,
Чтобы время это никогда
Грязными не трогали руками.

НАДЕЖДА

Елене Пахоруковой

А я, хоть стать умнее мне бы,
Не верить в счастье не могу,
Пока атланты держат небо
На петербургском берегу.
Пока я помню год далекий,
Над Питером горящим чад,
Покуда пушкинские строки
Еще в ушах моих звучат.
Я буду веровать до гроба,
Как мне порой ни тяжело,
Что победить не может злоба,
Что победить не может зло.
И я в часы надеюсь эти,
Что, проливающая кровь,
Исчезнет ненависть на свете,
Придет всеобщая любовь.
И если я в суровый год,
Двух войн кровопролитных между,
Уйду из жизни, то надежда
Пускай меня переживет.

* * *

Облаков багряный окоем,
Белой ночи светлые миражи.
Я останусь в Питере родном,
У атлантов, возле Эрмитажа.
В синеве мне недоступных дней,
И зимою, и порой весенней,
Песней нестареющей своей
Для других грядущих поколений,
Под ночей июньских серебром,
Привыкая к чаячьему писку,
Я останусь в городе моем,
Получив бессрочную прописку.
Завершивший прочие дела,
Не пугаюсь вечного покоя, —
Лишь бы эта песенка жила
Безымянной песней городской.
О тоске, приятель, позабудь,
О дороге, что осталась сзади, —
Где бы твой ни оборвался путь,
Сердце остается в Ленинграде.